

НЕЗНАКОМЦЫ

АЛЕНСАНДРА НОРНИЕННО
Родилась в 1987 году
в Смоленске. Окончила МГУ.
Написала два сборника
поэзии. В 2023 году, после
долгого сомнения в своих
силах, начала писать прозу,
пройдя курс в Школе Vand.

«Какие цветы говорят, что, извини, дело не в тебе, дело во мне? Или – извини, так получилось?»

Кирилл стоял перед фейерверком цветов в высоких пластиковых ведрах и не знал, что выбрать. Желтые цветы – как-то уж слишком избито. Гвоздики? Ну, все-таки не похороны и не Девятое мая. Хм.

– Молодой человек, вам помочь? – обратилась к нему продавщица, интонация которой говорила: ты стоишь тут уже слишком долго и если покупать ничего не собираешься, то не пойдешь тебе вон.

– Скажите, а какие цветы покупают на расставание?

– Вот мужики!

Кирилл сразу понял, что это была ошибка.

– Цветами хочешь откупиться? А годы кто вернет? – Продавщица замолчала, и по лицу ее было видно, что она смачно выругалась про себя. – Вот, есть желтые розы, пожалуйста.

Времени уже не оставалось: он сказал Даше, что будет в восемь. Сегодня опаздывать было как-то совсем уж неудобно.

– Дайте, пожалуйста, вот этот букет. – Не зная, что лучше, он показал на самый большой букет, который состоял из алых роз, каких-то травок и еще маленького плюшевого мишки, восседающего на всем этом великолепии.

Было как-то тошно, но тут, наверное, дело не в букете, а в том, что нужно было со всем поскорее покончить, а как это сделать лучше всего, он не знал. Но он знал, что если все пройдет быстро и без скандалов, то можно еще успеть к пацанам в бар.

Даша спустилась вниз в десять минут девятого. Кирилл ждал ее в машине у дома, букет лежал на заднем сиденье.

– Извини, пожалуйста, мне было нечего надеть, – улыбнулась она и, сев в машину, нежно поцеловала его в щеку.

– Ничего страшного.

– Куда пойдешь? – Даша погладила его щеку.

Кирилл посмотрел на нее – она смотрела прямо ему в глаза. У нее были глубокие зеленые глаза с тонким ободком карего на правом глазу. Кириллу очень нравились ее глаза – добрые, влюбленные, смотря в них, он казался себе очень классным. Но сегодня он не выдержал ее взгляда и отвел глаза.

– Может, поедешь в то французское кафе с книжками? Помнишь, я посылала тебе недавно? Там и журналы есть. И коктейли. Наверное, тебе тоже понравится. Хочешь туда?

Даша сняла пальто – ей всегда было слишком жарко в машине – и положила его на колени,

придерживая руками. Кирилл рассматривал Дашу: старомодное – или это теперь называют винтажным? – платье с огромными, чересчур огромными розовыми цветами, на правой руке – часы, тоже какие-то старые, не брендовые. И еще кольцо, которое она всегда носила – золотое с каким-то зеленым камушком.

- Да, давай! Надеюсь, там не будет слишком много людей. – Кирилл обернулся к заднему сиденью и протянул Даше букет. – Это тебе!
- О! Спаси-ибо, – протянула она. – А какой повод? Наша годовщина только в сентябре! Ты опять забыл? – улыбнулась Даша.
- А просто так, без повода, – сказал Кирилл. «Нет, в машине лучше все это не затевать. В кафе все спокойно объясню. И уйти будет проще».

Машина тронулась, Даша стала расспрашивать, как дела на работе, звонил ли он маме и как посидели с ребятами в баре в субботу. Кирилл отвечал машинально и все прокручивал в голове, как лучше с ней расстаться. Как все это сложно! Должен быть какой-то сервис по расставанию – чтобы приезжал курьер и доставлял хорошую речь. «За такое я бы много заплатил, – подумал Кирилл. – Может быть, вообще не бросать ее? Все не так уж плохо. В кафе ходим, фильмы смотрим». Он посмотрел на Дашу – она рассматривала букет и тыкала пальцем в мишку. Ее лицо исказилось в насмешке и брезгливости.

- Не нравится мишка?
- Нет-нет, очень красивый! – ответила она.
- «Нет, надо расстаться. Этот мишка ужасный, пошлый, а ей норм. Да, были хорошие моменты, и вроде как уютно с ней, но и пацанам ее особо не покажешь, и что-то не то. Если бы мать с отцом разошлись вовремя, не было бы этих постоянных ссор». Кирилл сжал губы и немного зажмурился от боли. Нет, все правильно.

Он открыл глаза и увидел летящую на них машину. Время застыло и было слишком быстрым одновременно. Кирилл резко вывернул руль, пытаясь уйти от столкновения, и в ту же секунду почувствовал оглушающий удар. Он не понимал, что происходит, и не почувствовал боли. Огромный джип, вылетевший со встречки, под углом впился в его машину, и их закружило на дороге, прежде чем все застыло в какой-то страшной, чрезмерной тишине. Прошла, возможно, пара секунд, а может быть, пара часов.

- Кирилл почувствовал невыносимую боль в руке.
- Даша, Даша, ты как?

Удар встречной машины пришелся прямо на нее. Захваченная подушкой безопасности и искоренным железом автомобиля, она была в уродливо неестественной позе. Букет рассыпался от удара, и лепестки лежали на ее безжизненных плечах. Безвкусный мишка, залитый кровью, валялся на полу.

- Я не поеду, я не имею права. Иди ты! – Кирилл сбросил звонок.

Макс был его лучшим другом с детства. Он все говорил правильно: надо ехать на похороны. И Ростовская область – не Владивосток. День на поезде.

«На самолете не полечу, в поезде хотя бы можно весь день бухать», – думал Кирилл, осушая очередную бутылку мартини. В голове его гудело непрерывно с того момента, как скорая сказала, что все, она умерла, это точно. Сначала он не верил, ругался с ними, спорил, хотя и видел прямо перед собой ее тело. Все это было в тишине: ни сирены, ни шум автомобилей в образовавшейся пробке, ни рыдания девицы из врезавшейся в них машины, ни слова, роящиеся вокруг, ни его собственный голос не пробивали этой подземной, бездонной тишины. Но когда он принял, что она мертва, начался гул.

Ее куда-то увезли, больше он ее не видел. Машину тоже куда-то увезли. А его увезли в больницу, наложили гипс на треснувшее запястье, вкололи что-то, надавали таблеток и отпустили.

Дома почти не было ее вещей, чаще всего он бывал у нее. Была пара книжек, какое-то белье и свитер. Картина, которую она нарисовала, – пейзаж с деревенским домом.

«Как хорошо, что я ее не люблю, – крутилось в его голове. – Это просто шок, это просто травма. Любой бы был в шоке. Это несчастный случай. Если бы только мы расстались неделю назад...» Его заташнило: то ли от этой мысли, то ли от третьей бутылки, то ли от того, что он ничего, кроме обезболивающих, не ел уже больше суток. Кирилл потянулся к телефону – надо позвонить Максиму. Но извиняться не было сил. Может, позвонить маме? Он нашел «мама» в «контактах». Нет, это будет истерика, не стоит. Заташнило еще сильнее. Кирилл лег и закрыл глаза, быстро утонув в мучительном, безжалостном сне.

Запах поездов на Казанском вокзале мешался с запахом шаурмы и шумом бурлящей толпы. Всем куда-то надо. И Кириллу тоже было надо. Очень

не хотелось, но надо. Он никогда не встречал ни Дашиных родителей, ни бабушки и дедушки. Все-таки у них было все не настолько серьезно. Почему его вообще пригласили? Откуда взяли его номер? Конечно, полтора года вместе, наверное, они думают, что это серьезно. Кирилл не знал, что именно Даша рассказывала семье, и никогда особо этим не интересовался. Если бы они расстались заранее, то и не надо было бы ехать. А теперь надо не только ехать, но еще и что-то скрывать, что-то изображать. Опять подступила тошнота. Он погладил очертания бутылки виски в рюкзаке – хорошо, что не забыл.

Успел. Третий вагон, девятое место. Верхняя полка. Кирилл с детства любил верхнюю полку. Там можно было лежать на животе и смотреть в окно, удивляясь, как быстро пролетают столбы и как медленно движутся поля, пока родители о чем-то спорили внизу. Это самое лучшее место. Там даже есть своя лампа с палочкой-выключателем, ей можно кликать туда-сюда, туда-сюда и больше ничего не слышать. Поезд тронулся.

В купе уже сидели двое – женщина, явно старше Кирилла, с морщинами и уставшими глазами, и тощий рыжий парень, длинный, больше матери. Он вежливо улыбнулся им, поздоровался и хотел сразу залезть на свою полку, улечься и уставить в телефон на следующие несколько часов. Он вытащил лесенку, схватился левой рукой за ручку на стене, попытался как-то ухватиться правой рукой за верхнюю полку, но соскользнул из-за гипса и из-за пронизывающей боли.

– Как же вы полезете туда с гипсом? – сказала женщина. – Тут внизу место свободное. Может, никто и не подсядет уже. Садитесь, садитесь тут.

Кирилл рухнул на сиденье. Откопал в сумке обезболивающие и быстро проглотил, запив виски.

– Может, вам воды? – Женщина протянула ему бутылку.

– Спасибо!

– А хотите чаю?

Кирилл этого и боялся. Сейчас начнется разговор. Он совсем не хотел ни с кем общаться.

– У нас и курочка есть, и помидоры. Сережа, достань-ка пакет. А я пока схожу к проводнице, попрошу чаю.

Кириллу было рассказано все в подробностях: учительница, поздний ребенок, муж военный, инфаркт, едут к бабушке, в школе отпросились. Холодная, невероятно вкусная курица из фольги была съедена, Кирилл уже два дня ничего не ел.

Потом настала очередь вопросов о нем. Хотелось рассказать двум этим случайным людям все, что билось о стенки его черепа изнутри. Но что они поймут? Кирилл и сам ничего не понимал.

– О! Вы менеджер по рекламе? Сережа, вот видишь? Менеджер. Расскажите Сереже про вашу работу, пожалуйста. Он вбил себе в голову, что будет поступать на художника. Ведь даже в художественную школу не ходил. Да, рисует хорошо, красиво, но разве художником проживешь? Ведь надо же на что-то жить! Надо семью кормить.

– Моя девушка была художницей, – неожиданно вырвалось у Кирилла. Он запнулся, испугался предательского «была». – Бывшая девушка.

– Да? И как? – Лицо парня, кажется, первый раз за вечер, потеряло свой недовольный, скучающий вид.

– Ну, хорошо. – Кирилл не хотел об этом говорить, не хотел об этом думать.

– Но ведь денег-то там никаких нет? На что жить?

– Ну, она продавала картины иногда. Выставка была недавно. Вообще ей очень нравилось рисовать, она иногда просыпалась ночью и начинала что-то в блокноте зарисовывать. И сияла вся... – Кирилл резко замолк. Незачем об этом говорить. – Да, денег немного, но она графическим дизайном подрабатывала. Знаете сайт «Теремка»?

– Офигеть! Как круто! Mam, видишь? – Сережа засиял.

– Эй! Следи-ка за языком! Ну а ваша-то работа наверняка лучше? Вы вот явно хорошо зарабатываете.

– Да, все устраивает. Стресса много. Но весело. Иногда. – Кирилл налил виски в пустой стакан от допитого чая. – Хотите?

– Давайте. Сереже нельзя.

– Я знаю, мам! А можно картины посмотреть, у вас есть на телефоне?

– На телефоне нет... Могу в интернете показать.

После распития на пару с соседкой бутылки очень дорогого виски Кирилла быстро стало клонить в сон. Почему-то виски было не жалко, и почему-то было впервые за несколько дней тихо в голове. Он заснул и долго-долго спал, впервые не видя лепестки, падающие и падающие на плечи, не видя Дашины зеленые глаза и не погибая сам опять и опять...

Приехал. Ростов-на-Дону, как тепло. Уже и деревья расцветают. И как все дешево. И все гхэка-

ют. Даша тоже гхэкала, и это немного раздражало. Нет, о мертвых или хорошо, или ничего. Кирилл постоянно одергивал себя.

Доехав до Азова на такси за какие-то смешные по московским меркам деньги, он нашел свой отель, который оказался просто роскошным – удивительно для такого провинциального городка. Там даже был бассейн. «Сейчас бы коктейльчик – и в бассейн, а потом еще и в сауну. Так давно не было отпуска. Похороны, я приехал на похороны», – опять одернул себя Кирилл. Он все же купил бутылку чего-то в баре, взял наверх, быстро выпил и опять падал, падал и падал в свой повторяющийся сон.

Кирилл стоял в цветочном магазине и смотрел на цветы, толпящиеся в высоких ведрах, не зная, что выбрать.

- Сынок, ты на свидание или на день рождения такой нарядный?
- На похороны.
- Ой-ой-ой. Бедный мальчик.
- Спасибо.
- Есть гвоздички. По пятьдесят рублей штучка. Есть гладиолусы, но по сто пятьдесят, зато солиднее. Кого хоронишь?
- Хм. Знакомую. – Он задумался. Какие цветы она любила? Пионы, она что-то говорила про пионы. – А у вас есть пионы?
- Пионы на похороны-то не очень хорошо, ведь мало лежат. Да и нет их, сынок, в мае только. Приходи через месяц. Ой, вот язык без костей. Прости, сынок.
- Ничего страшного. Дайте вот эти белые лилии.
- Эти очень дорогие. По тысяче сто!
- Ничего. Дайте десять штук, пожалуйста.

Гроб был закрытый. Моросил дождь. Народу было немного. Земля на кладбище была одним огромным глиняным месивом, прилипла к подошвам и нарастала, нарастала, пока обувь не становилась совсем уж тяжелой и не приходилось счищать этот огромный уродливый нарост об один из бордюров, а иногда, стыдливо, об ограды других могил. Дорогие ботинки были испорчены.

Место на кладбище было огорожено низким железным заборчиком с сильно облупленной краской. Здесь уже были две могилы. Наверное, две прабабушки. Прадедушек не было, видимо, погибли на войне, как и у Кирилла.

Детей на похоронах почти не было, только один маленький мальчик. Он много, но очень тихо

и как-то по-взрослому плакал. Пока копали могилу, он сам подошел к Кириллу и сказал:

– Ты Дашин жених?

Кирилла удивили и «ты» от такого маленького мальчика, и слово «жених». Он вспомнил, что слышал его от Даши, когда она говорила про чего-нибудь бойфренда, и ему всегда эта старомодность претила.

– Я? Ну... да.

– Я Игорь. Приятно познакомиться. – Мальчик протянул Кириллу руку, сначала правую, потом, посмотрев на гипс, быстро и невозмутимо – левую.

Кирилл пожал ее, такую маленькую, холодную, мокрую от дождя.

– Тебе очень повезло.

– Повезло? – Кирилл изумился и разозлился.

– Ты, наверное, каждый день общался с Дашей. А я только по телефону, всего раз в неделю. А приезжала она только летом. А раньше я был маленький и не помню. Даша – мой самый лучший друг. Не знаю, что дальше делать. – Мальчик опять тихо заплакал.

Кирилл не знал, что надо было делать. Он хлопал мальчика по плечу.

– Ужасно, это все ужасно, – сказал Кирилл.

– Да, – тихо ответил мальчик и отошел от Кирилла, подошел к Дашиной сестре и, обтерев мокрую руку о свой костюмчик, взял ее за руку.

«Что я вообще тут делаю?» – думал Кирилл. Он хотел провалиться сквозь землю, хотел закрыть глаза и исчезнуть с этих похорон, из этой семьи и из этой истории. Он зажмурился изо всех сил, но ничего не получилось. Гроб опускали в землю, люди вокруг плакали.

После похорон все поехали домой к Дашиным бабушке и дедушке. В коридоре толпились ботинки, принесся грязь с кладбища. В одной из комнат их хрущевки был уже накрыт длинный стол, простиранный от одного конца комнаты до другого и заставленный бокалами, салатами и нарезкой. «Наверное, два стола соединили», – подумал Кирилл. В гостиной сидели и стояли люди, те же, что были на кладбище, но без верхней одежды. Стало видно их или невзрачные, или слишком вычурные, провинциальные наряды. Кирилл еще никогда не чувствовал себя москвичом так сильно.

Хотя на кладбище Кирилл в основном смотрел в пол, теперь, в тепле и ближе к концу его пытки, он принялся разглядывать людей. Сначала он заметил маленького Игоря, ровно сидящего на ко-

лениях у Дашиной сестры. Усталая, заплаканная, она нежно обнимала сына, положив щеку на его голову. Мать Даши была похожа на белую, мраморную статую, а может быть, на призрак. В ее глазах не было слез, но не было и жизни. Папа держался получше и общался с гостями, но Кирилл как-то игнорировал. Ни мать, ни отец не поздоровались с Кириллом, хотя и он с ними не поздоровался. Вообще-то он с ними не был знаком. Общался он только с сестрой и по эсэмэскам. С ней здоровался, а с ними – нет, как-то неловко. Может, Даша им говорила, что дела идут не очень? А может, вмят Кирилл в аварии... Но зачем же тогда позвали?

Если бы они не ехали в это кафе, если бы он поговорил с ней у подъезда, если бы он не зажмурил глаза на то мгновение. Если бы не купил этот уродский букет. Если бы они вообще не встретились. Нет. Но если бы только можно было вернуть время. Как хочется выпить, поскорее бы за стол.

Дашины подруги, которых Кирилл видел только пару раз, тоже не проявляли к нему большого интереса и смотрели на него совсем без симпатии. Наверное, она им что-то рассказывала. Но, может, это просто скорбь. Может, тоже считают, что он виноват. Общаться с ними желания большого не было. Хотелось исчезнуть. Кирилл опять зажмурил глаза. Вдруг за руку его взяла чья-то теплая, немного грубая рука.

- Кирюша, внучек, дай-ка я тебя расцелую. Хочешь, ты поплачь, поплачь. Не держись молодцом. Какое горе.
- Вы же бабушка, да? Как вы похожи на Дашу.
- Да, Надежда Григорьевна. Но можешь звать меня бабушка Надя.
- Спасибо вам, Надежда Григорьевна.

Она все еще держала его в своих объятиях, маленькая, полная женщина, вроде бы бодрая, но, кажется, очень старая. Кирилл не умел определять возраст стариков. Его бабушки и дедушки умерли рано, а другими стариками он никогда не интересовался.

Надежда Григорьевна выпустила его из объятий и платком, который, видимо, все это время держала в руках, стала промокать глаза. Он вдруг увидел то самое кольцо, что всегда носила Даша, на пальце у Дашиной бабушки и оторопел, уставившись на него.

- Колечко Дашино признал? Какое горе. Мне оно от матушки досталось, а когда Дашеньке восемнадцать исполнилось, я ей его подарила, дочек-то у меня не было. Это семейная тра-

диция. Ну, во всяком случае, Даша так сказала, что это будет теперь традиция, что тепло семьи в этом камушке будет всегда на пальце носить. Она, а потом дочка ее, или внучка... – Бабушка начала тихо плакать, не навзрыд, как ожидал Кирилл, а тихо, устало. – Но вот так получилось. Дашенька теперь на небе. – Бабушка посмотрела на потолок и перекрестилась.

Кирилл одернул себя при мысли поспорить, что ни ада, нирая не существует.

- А кольцо ко мне вернулось. Маме Дашенькиной его отдали... в морге. – Из глаз опять покатились слезы.

- Да, Даша теперь на небе, – повторил Кирилл.
- Кирюша, мы так тебя ждали, Дашенька столько про тебя рассказывала. А вот как получилось, – дрожащим голосом проговорила Надежда Григорьевна и снова начала плакать.

Кириллу казалось, что плакать сейчас начнет и он сам. Он ни разу не плакал с аварии, в основном только пил, бредил и злился. Не плакал, когда ее тело увозили, не плакал, когда гроб закапывали в землю. А теперь ему почему-то хотелось плакать. Может быть, просто жалко бабушку? Что же Даша говорила им про него?

Хотя за столом было не больше двадцати человек, было очень тесно. Все тихо ели. Было очень вкусно, невероятно вкусно. Потом начались тосты. Кирилл надеялся, что его не заставят говорить тост, он ничего не подготовил. Все говорили про Дашу, и улыбки перемешивались со слезами. Рассказывали, как она рисовала в детстве, как спасла кошку. Как дралась с сестрой, а потом обнималась. Как разучивала стихи. Как лазила на вишню и собирала ягоды даже с самых дальних веток. Как поступала и плакала по ночам, боялась провалиться. Как уезжала в Москву с рюкзачком, как махала из поезда. Как приезжала летом, такая модная, нарядная, как москвичка. Как привозила всегда чемодан подарков. Как они ждали ее этим летом и какое горе.

- Кирюша, скажешь пару слов? – Надежда Григорьевна нежно смотрела в его сторону.

Много глаз было направлено на него, а провалиться сквозь землю не получалось. Было невыносимо стыдно. За все. За то, что они все такие домашние. За все эти добрые слова, которые были сказаны, за то, что он не имел права здесь находиться, есть эту еду, принимать эти объятия. За то, что он вдруг, впервые за многие годы, почувствовал себя дома.

Протиснувшись между столом и стулом, Кирилл поднялся с бокалом в руке.

– Мы с Дашей встречались где-то полтора года. Она была очень доброй. – Кирилл запнулся. Стыдно за банальность. – Вы знаете... ей всегда было очень жарко в машине. И на улице она ходила всегда без шапки. А еще она видела во мне что-то такое, чего я сам в себе не видел... Я много чего не видел. Я бы хотел, чтобы у нас было больше времени. Мне очень жаль. Простите меня. Это большое горе.

Люди стали постепенно вставать из-за стола, кто-то переместился в гостиную, кто-то остался еще поговорить и выпить. Кирилл искал свое пальто, пытаясь откопать его среди огромного нароста верхней одежды на стене в прихожей.

– Хочешь посмотреть ее альбомы, внучек? – вдруг со спины спросила Надежда Григорьевна.

– Я бы с радостью, но мне уже надо ехать на поезд. Ну, сначала в гостиницу за вещами. А потом на поезд.

– Что ж, уже? Так быстро? Вот голова дырявая! Ведь я тебе не показала, какую книжку мне сделала Дашенька! Сейчас я ее найду. Подожди минутку. Петя! Иди-ка сюда!

Подошел Дашин дедушка, Петр Иванович. Высокий, худощавый старик в пиджаке с медалями. Кирилл протянул ему руку, молча показывая и объясняя, что правая рука в гипсе. Дедушка взял его левую руку в обе ладони и крепко пожал.

– Хорошо сказал за столом, от души. Скучаешь по Дашеньке? – спросил дедушка. – Ты держисься неплохо, видно, что сильный парень.

Кирилл вспомнил выпитое, тошноту, бред, свое «Хорошо, что я ее не люблю». Петр Иванович как будто бы и не ждал никакого ответа и продолжал:

– Ну как такое пережить? Мужчины не плачут, но я плакал и плакал. И сейчас плачу. – Он запнулся и смахнул слезу. – Дарья наша была просто ангел. Неземной доброты. А какая красавица! Наша гордость.

Кирилл не успевал ничего отвечать, только кивал головой.

– Вот ее книжка! – Бабушка вернулась, протянув Кириллу самодельную книжку, сделанную из сложенных пополам листов бумаги, аккуратно переплетенных тонкой пряжей.

На обложке было нарисовано солнышко и печатными буквами, сжимающимися ближе к краю бумаги, написано «Бабушке Наде от Даши, с любовью. 15 причин бабушка самая лучшая в мире».

– Возьми с собой, в поезде считаешь, а потом привезешь! И вот еще, я тебе курочку с собой завернула, еще теплая, держи, там в кулечке еще хлеб с помидорками.

– Спасибо. – Кирилл чувствовал, что хочет сказать намного больше, но не знал, что сказать. Он не понимал, почему о нем заботятся. Он не понимал, как он может вернуть эту книжку обратно. Он не понимал, почему ему, незнакомцу, доверяют такую ценность.

– Ох, Кирюша, как она тебя любила. Приезжай еще, внучек. Приезжай. И звони. Это и твой дом теперь. Ну, посидим на дорожку.

Кирилл помахал машущим ему из окна Надежде Григорьевне и Петру Ивановичу, сел в такси, пристегнулся и начал рыдать.

